УДК 894.612
DOI

Гаджилова Шанисат Магомедовна,
Институт языка, литературы и искусства
им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН,
Дагестанский гуманитарный институт,
г. Махачкала

ОБРАЗ ТАЖУДИНА (ЧАНКА) ИЗ БАТЛАИЧА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ О.-Г. ШАХТАМАНОВА И М. АХМЕДОВА: СРАВНЕНИЯ И ПАРАЛЛЕЛИ

Аннотация. В данной статье представлен материал по изучению некоторых произведений О.-Г. Шахтаманова и М. Ахмедова в сравнительно сопоставительном плане. Особое внимание автор статьи акцентирует на образах Чанки и Махмуда в произведениях О.-Г. Шахтаманова и М. Ахмедова. Автор статьи приходит к выводу, что О.-Г. Шахтаманов и М. Ахмедов одинаково ценили поэтический талант двух классиков аварской дореволюционной поэзии – Чанки и Махмуда, но по-разному представляли истинную суть их художественных поисков. Такое положение вещей было связано с идеологическими установками советского времени и отсутствием их постсоветский период.

Ключевые слова: Чанка из Батлаича, О.-Г. Шахтаманов, М. Ахмедов, учитель и ученик, дореволюционная поэзия, сравнения и параллели, стихи о любви, судьба поэта, смирение с судьбой, образ поэта.

С завершением Кавказской войны для аварской словесности началась новая эпоха. Если эпическая поэзия времён имама Шамиля черпала силу в коллективном героизме и религиозном единстве, то лирика послевоенного времени, наоборот, часто фиксировала состояние одиночества, разочарования и рефлексии. Поэт смотрит внутрь себя, и этот взгляд оказывается наполнен уже не пафосом битвы, а горечью осознания хрупкости человеческого счастья. Конфликт между мечтой о справедливости и гармонии и давящей действительностью становится двигателем лирического сюжета произведений многих литераторов этого периода. Этот поворот к субъективному переживанию, к анализу внутреннего «я» был не просто литературной тенденцией, это был глубокий

мировоззренческий сдвиг, который в полной мере отразился в истории аварской дореволюционной литературы, заметно расширил ее жанрово-тематический и идейно-эстетический диапазон. «И самая большая заслуга в развитии жанровой и идейно-тематической системы литературы аварцев в этот период принадлежит Али-Гаджи из Инхо, а вслед за ним и Тажудину из Батлаича.Как отмечает исследователь творчества Чанки Ч. С. Юсупова, «во время вступления Тажудина в художественный “мир красоты и печали”, начинают создавать свои произведения и ровесники Тажудина (1866–1909), Курбан из Инхело (1870–1935), Этиль-Али из Телетля (1850–1930), Магомед из Чиркея (1846–1926), Махмуд из Кахабросо (1873–1919) и другие» [2, с. 166].

Чанка (Тажудин) из Батлаича и Махмуд из Кахабросо для многих исследователей советского периода неразрывно связаны друг с другом как «учитель и ученик». Они стали ключевыми фигурами аварской дореволюционной романтической поэзии. Чанка и Махмуд, можно сказать, завершили переход дагестанской литературы от исторической хроники и религиозной дидактики к художественному исследованию внутреннего мира личности. Они подарили читателю нового героя – рефлексирующего, сомневающегося и страдающего. Особое место в этой лирике занимает мотив трагической любви. Если в героической поэзии любовь часто была фоном или символом верности родине, то у Чанки и Махмуда (также как и ряда поэтов этого периода – Эльдарилава из Ругуджа, Анхил Марин и др.) она становится абсолютной ценностью, вступающей в конфликт внутреннего мира человека с жестокими нравами общества и окружающей среды. Все это стало интересным и довольно перспективным материалом исследования для многих дагестанских и российских литературоведов [5]. Герой произведений аварских поэтов – уже не воин на поле боя, а человек, несущий в душе «кровоточащую рану» от любовных мук, от столкновения с несовершенством бытия, человеческого отношения к подлинным ценностям жизни и именно эта боль становится главным источником их вдохновения. Чувство Чанки к Гулишат и Махмуда к Муи становится не просто воспеванием любви в стихах, но и воплощением чистоты помыслов, возвышения женской красоты в глазах читателей. В произведениях дагестанских литераторов, а таже в трудах литературоведов любовная лирика Чанки и Махмуда интерпретируется как романтическая картина мира, полная цветовых

контрастов, света и тени, мечты и реальности. Она представлена как мощный вызов косной действительности дореволюционного периода.

В повести «Учитель и ученик» о знакомстве и дружбе Тажудина с Махмудом О.-Г. Шахтаманов пишет в последних частях первого раздела – «Поэты» («ШагIирзаби»), «Последняя встреча» («Ахирисеб дандчIвай»), «Могила на дороге в хадж» («ХIежалде нухда хоб») «Радуга любви» («Рокьул нур»). В них автор особенно выделяет противоречивые взгляды Тажудина его разочарования в вере, религии, в людях, его отдаление от людей. В «Последней встрече» Чанка вызывает Махмуда к себе и сообщает ему, что принял решение покинуть родину, здесь же и завещает ему продолжить его дело – бороться за духовную свободу женщины. В этом заключается основная идея повести, которую автор искусно продолжает во второй части через художественную интерпретацию судьбы Махмуда и его возлюбленной Муи.

Интересно отметить, что в повести О.-Г. Шахтаманова наблюдается умышленное выпячивание атеистического содержания мысли и речи главных героев. Это напрягает восприятие читателя, постоянно держит его в ожидании здравой сути и трезвой, правдивой оценки биографии и духовного наследия Чанки также, как и остальных героев повести.

К примеру, О.-Г. Шахтаманов передает рассказ о поездке Чанки в хадж от имени своего дедушки, который был в пути вместе с ним на корабле. Пересекая океан, старик шепчет: «Где же ты, Аллах, какой признак подскажет о Твоем местонахождении, где находится твой дом?». Омар-Гаджи отвечает: «Не торопись, дед. Кроме себя, Аллаха ты не найдешь» [8, с. 446]; или – Тажудин отправляется в путь с целью совершения хаджа, но завещает Махмуду петь о любви; или – Тажуддин умирает в пути, но перед смертью у него только одно желание – рассказать о своей любви к Гулишат, успеть сказать последнее слово о ней. Такие моменты в тексте повести встречаются часто. Читателю сложно принимать недостоверную информацию о классике аварской поэзии, которая входит в канву повествования и чрезмерно зажатые рамки сюжета.

Здесь уместно вспомнить, что О.-Г. Шахтаманов занимался сборами произведений Чанки, Эльдарилава и других дореволюционных поэтов. В 1973 году Омар-Гаджи написал статью о Чанке на аварском языке, она была опубликована в альманахе «Дружба» [7]. В 1974 году появился сборник произведений Чанки с

предисловием Омар-Гаджи о тех или иных фактах из жизни поэта. Многие из этих фактов недостоверны. Но на эти факты ссылались не только литераторы, но и литературоведы, изучающие аварскую литературу дореволюционного периода, к примеру, Ч. С. Юсупова, З. З. Гаджиева, С. М. Хайбуллаев и др. На наш взгляд, наиболее верное представление или описание образов и личностей Чанки и Махмуда дает Г. Цадаса. «В Махмуде, – говорил Гамзат, – замечались какая-то грубоватость, упрямство, кокетство молодости…

В моем представлении он подобен резвому скакуну на весеннем цветистом лугу. Что же касается Чанки, то это был человек, доведенный до аскетизма своей выдержкой, скромностью, мягкостью, как бывает послушная лошадь доведена до изможденния постоянной тяжестью непомерной поклажи» [4, с. 125].

Приблизительно также описывает портрет Чанки и Г-М. Галбацов. Он пишет: «Говорят, Чанка был человек средних лет, с красивой и статной фигурой, чертами благородства на лице… Коротко стриженная черная борода, высокий, белый лоб, большие, проницательные глаза. От каждого движения его веяло спокойствием и чарующей добротой. Голос его был столь мягок, что перед ним отступала любая грубость, и, как говорили, голос этот смягчал любой вызов. В той же мере слова и высказывания его были конкретны и доступны, мысли – ясны и тверды. От них веяло уверенностью и правдивостью» [6, с. 3–4].

К подобной характеристике близки представления М. Ахмедова о Чанке и Махмуде, при этом нельзя обойти вниманием факт, что М. Ахмедов считал своим учителем и лучшим другом О.-Г. Шахтаманова. О.-Г. Шахтаманов рано ушел из жизни, но добрые воспоминания о нем навсегда остались в памяти М. Ахмедова [3]. Более того, тема любви и жизни Махмуда из Кахаброco, можно сказать, тоже стала в творчестве М. Ахмедова одной из самых значимых тем, начиная с первого стихотворения «Горный тур», написанного им в 14-летнем возрасте и заканчивая последними произведениями уже зрелого возраста. Можно долго говорить об интертекстуальных особенностях художественного мышления и творческого метода М. Ахмедова относительно темы, касающейся творческих личностей и образов Чанки и Махмуда в его творчестве. Но в данной статье ограничимся лишь некоторыми отрывками из его произведений, в которых речь идет именно о поездке Чанки в хадж и о последней, прощальной встрече двух поэтов – Чанки и Махмуда.

Дида ккола ЧIанкIаца Махмудида абунин,
Пайда гьечIеб дунялалъ паналъизеги гьарун,
Гьунаралъе нилъеца гIемер гIакъуба кьунин,
ГIакъиллъизе мех щванин, щолев вихьулин чапар.

БетIергьан тIад вугевлъи лъалев кIиго шагIирас
ШигIраби, къилба кIочон, къосун тезе рес гьечIин.
Бисмиллагь бахъун хъварал рокьул кучIдулги кIочон,
Руссун лъикI Аллагьасде.

КIалдиб рокьул гурони мацI гьечIев МахIмудида,
РекIелъ Муи гурони бакI гьечIев Махмудида,

Дида ккола ЧIанкIаца гьединан абунилан,
Мун витIарав вугилан, тIад Махмудги рекъанин [1, с. 749].

Я думаю, что Чанка Махмуду сказал, -
«Долго мы были в плену бесполезной мирской суеты,
Много страданий причинили мы таланту,
Время пришло разумными стать, приближается (смерти) гонец.
Два поэта, знающие, что есть Всемогущий Аллах,
Не должны предать забвению Каабу, путаясь в стихах,
С именем Аллаха написанные стихи о любви,
Забыть их пора, вернемся к Аллаху.
Махмуду, не знающему вкуса кроме как вкуса любви,
Не имеющему в сердце места кроме как для Муи,
Думаю, Чанка именно так сказал,
И Махмуд подтвердил его слова, согласился с ним.
(Подстрочный перевод здесь и далее наш – Гаджиловой Ш. М.)

Так М. Ахмедов описывает последнюю встречу двух друзей и поэтов. В каждое слово Чанки М. Ахмедов вкладывает не просто разочарование в мирской суете, а глубокую, выстраданную веру. Махмуд и Чанка, по мнению М. Ахмедова, поняли: поэзия, если она истинна, – дыхание души, обращённой к Вечному, а если это дыхание не ведёт к Создателю, то оно пусто, как сухой колодец в пустыне. Кааба, о которой говорил Чанка, стала символом той внутренней

чистоты, к которой должен стремиться каждый берущий в руки перо. Стихи о любви, написанные без памяти об Аллахе, подобны воде без источника: они текут, но не утоляют жажды. Махмуд, чьё сердце, казалось, было создано лишь для любви, теперь осознал, что эта любовь должна быть направлена не к бренной красоте, а к Тому, Кто эту красоту сотворил. Именно этот нрав, эту способность к покаянию и обновлению М. Ахмедов запечатлел в своем тексте.

Так, в последней встрече двух поэтов, прозвучала целая проповедь, обращённая к будущим поколениям. Чанка указал путь, а Махмуд, приняв его наставление, стал примером того, как поэт, осознавший свою слабость, может подняться над соблазнами мира и направить свой талант к служению Высшему.

Таковы представления М. Ахмедова о классиках аварской поэзии – Чанке и Махмуде. Как видно, они кардинально отличаются от представлений о них О.-Г. Шахтаманова. О.-Г. Шахтаманов желает, чтобы они остались в памяти народа как певцы любви, готовые перевернуть мир ради любви к женщине, бороться за ее «свободу», а в памяти М. Ахмедова их имена остались как имена людей, которые в час прощания с миром выбрали вечность. В этих сравнениях наблюдается отпечаток времени, в котором были сочинены произведения двух литераторов. О.-Г. Шахтаманов работал над этими образами в советский период, когда запрещено было говорить о религиозных взглядах человека, М. Ахмедов же в постсоветский период не был ограничен идеологическими установками и мог свободно рассуждать на тему духовного наследия аварской поэзии. Для этого поэту достаточно было вернуться к творчеству Чанки. В одном из своих стихотворении Чанка пишет:

Дунялалъул къоял къварид риччазин,
Къиямасеб къоялъ шапагIат щвезе.
Духъ ккараб дир рокьи рукьбалъ цIунизин,
БецIаб лахIдуялъуб хIалхьи букIине.
ХIехьезин гьаб гIазаб гIадаллъизегIан,
ГIарасалде щведал диван гьабизе [6, с. 65].

Земные дни проведу в печали,
В судный день чтоб получить защиту.
Любовь к тебе сохраню в костях,
В темной могиле чтоб стала утешением,

Терпеть мне эту муку до помрачнения ума,
Чтоб предстать перед судом в день светопреставления.

В этих строках раскрывается истинный облик Тажудина – человека, поэта, учёного, который в полной мере нашел художественное воплощение в размышлениях М. Ахмедова. Что же касается О.-Г. Шахтаманова, то в силу различных условий и обстоятельств времени, он не мог об этом открыто и прямо говорить…

Литература

1. *Ахмедов М.* Поэт и родина. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2006. – 806 с.
2. *Гаджилова Ш. М.* Тажудин (Чанка) из Батлаича в истории развития аварской дореволюционной литературы // Вестник ИЯЛИ им. Г. Цадасы ДНЦ РАН. 2016. – № 9. – С. 164–168.
3. *Гаджилова Ш. М.* Омар-Гаджи Шахтаманов в художественной памяти Магомеда Ахмедова // Вестник Дагестанского государственного университета. – Серия 2. Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 38. Вып. 2. – С. 57–62.
4. *Гайдарбеков М.* Беседы с Гамзатом // Гамзат Цадаса в народной памяти. Воспоминания. – Махачкала, 2008. – С. 125.
5. Тажудин (Чанка) из Батлаича. Классицист. Просветитель. Романтик: Сборник статей / Сост. А. М. Муртазалиев. – Махачкала: Ин-т яз., лит. и искусства, 2013. – 318 с.
6. Чанка из Батлаича. Стихи (На авар. яз.) / Сост., предисловие и комментарии Г. Г. Галбацова. – Махачкала, 1991. – 144 с.
7. *Шахтаманов О.-Г.* БакьагьечIиса ЧIанкIа // Гьудуллъи. – 1973. – № 4. – Гь. 11–43.
8. *Шахтаманов О.-Г.* Учитель и ученик / Сердечные думы. Поэзия и проза. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2009. – 568 с.